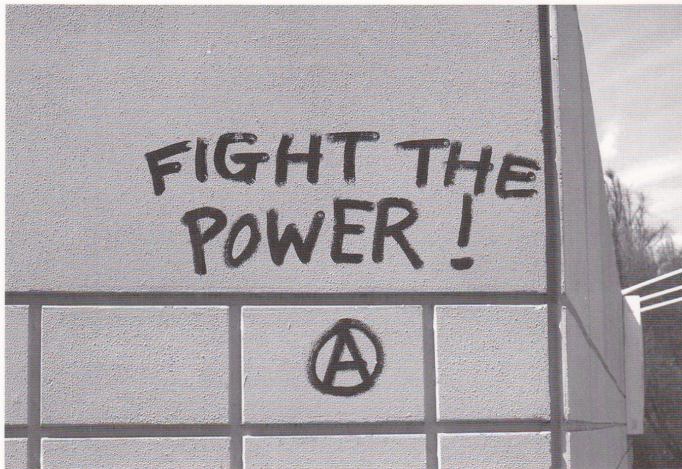

НАШИМ ДРУЗЬЯМ

НЕВИДИМЫЙ КОМИТЕТ

Г И Л Е Я

Невидимый комитет

Нашим друзьям

Серия «Планы на Будущее»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67421825

Невидимый комитет Нашим друзьям / Пер. с франц. и примеч. М.

Лепиловой; Гиля; Москва; 2016

ISBN 978-5-87987-103-6

Аннотация

Книга авторов «Грядущего восстания» вышла во Франции в 2014 году и сразу была переведена на несколько языков. В работе анализируются механизмы современной власти и причины кризиса в левом и анархистском движении в последние годы, а также формулируются новые подходы к революционной теории и практике.

Содержание

Наконец пришло время восстаний	6
Merry crisis and happy new fear[5]	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Невидимый комитет

Нашим друзьям

*Билли, Гуччо, Алексису и Джереми Хэммонду,
стало быть,*

*«Нет другого мира. Есть просто другой уклад
жизни».*

Жак Месрин

Серия «Планы на Будущее»

Марка серии – рисунок Д. Бурлюка. 1914

Перевод с французского и примечания Марии Лепиловой

Перевод сделан по изданию: Comité invisible. A nos amis.

Paris: La Fabrique éditions, 2014

Издательство и переводчик благодарят Степана Михайленко за помощь в подготовке книги

На обложке – фото, сделанное в 2012 г. в Мельбурне, Австралия

При перепечатке этого текста или его фрагментов желательно указывать имя переводчика

© La Fabrique éditions, 2014

© Книгоиздательство «Гилея», 2016

Наконец пришло время восстаний

Наконец пришло время восстаний. Начиная с 2008 года они вспыхивают с такой частотой и в стольких странах, что кажется, будто вся структура этого мира распадается на части. Десять лет назад прогнозы восстания вызывали насмешки у людей, которые твёрдо стояли на ногах; теперь же за дураков держат тех, кто прочит восстановление порядка. Нет ничего устойчивее, ничего долговечнее, твердили нам, чем Тунис под управлением Бен Али, деловитая эрдогановская Турция, социал-демократическая Швеция, баасистская Сирия, накачанный транквилизаторами Квебек или Бразилия со своими пляжами, пособиями Bolsa Familia¹ и миротворческими полицейскими отрядами. Все мы знаем, что произошло потом. От стабильности не осталось и следа. Да и политики теперь дважды подумают, прежде чем присудить какой-либо стране тройное А¹.

Восстание может разразиться в любое мгновение, по любому поводу, в любой стране; оно может привести к чему угодно. Государственные деятели ходят по краю пропасти. Похоже, они боятся даже собственной тени. *¡Que se vayan todos!*² – так звучал лозунг, ставший теперь народной муд-

¹ Семейный кошелёк (*португ.*) – название социальной программы помощи малоимущим семьям (здесь и далее внизу страницы – примечания переводчика).

² «Пусть они все уходят» (*исп.*).

ростью, генерал-басом этой эпохи, ропотом, что прокатился по толпе, а затем вдруг, в самый неожиданный момент, взвился, как топор, над головами. Самые *ушлые* политики даже выдвинули этот лозунг в качестве предвыборного обещания. Другого варианта у них нет. Безнадёжное отвращение, откровенный негативизм, абсолютное отрицание – вот единственные распознаваемые силы в сегодняшней политике.

Пришло время восстаний, но не время революций. Редко доводилось видеть нечто подобное событиям, произошедшим в последние годы, когда повсюду, от Греции до Исландии, повстанцы в такой короткий срок брали штурмом такое количество правительственных зданий. Захватить площадь в самом центре города, разбить палаточный лагерь, соорудить баррикады, походные кухни или бытовки и проводить там собрания – вскоре эти действия станут таким же естественным политическим рефлексом, каким вчера были забастовки. Кажется, сама эпоха теперь вырабатывает собственные шаблоны: взять хотя бы *All Cops Are Bastards* (АСАВ)³ – фразу, которую при каждом всплеске возмущения некий причудливый интернационал пишет на стенах во всех городах от Каира до Стамбула, от Рима до Парижа или Рио-де-Жанейро.

Но как бы ни нарастало напряжение под нашим небом, революция повсюду будто задыхается на стадии протеста. В

³ «Все копы ублюдки» (англ.).

лучшем случае происходит смена режима, которая ненадолго утоляет желание изменить мир, а затем снова вызывает неудовлетворение. В худшем – революция служит трамплином для тех, кто, шагая под её же знаменем, только и думает о том, как бы её подавить. Кое-где, например во Франции, отсутствие уверенных в себе революционных сил открывает путь тем, кто профессионально симулирует как раз-таки уверенность в себе и выставляет её напоказ: фашистам. Беспомощность приводит к озлобленности.

Придётся признать, что мы, революционеры, потерпели поражение. Не потому, что с 2008 года революция как конечная цель так и осталась для нас недостижимой, а потому, что нас постоянно лишали *самого процесса* революции. Проиграв, можно возненавидеть целый мир и найти разнообразные объяснения и даже *научные* обоснования для тысячи несправедливостей, а можно задуматься о наших внутренних рычагах, которыми пользуется враг и которые определяют неслучайный, закономерный характер наших неудач. Быть может, нам стоит взглянуть, например, на пережитки *левизны* в революционной среде, обрекающие её не только на поражение, но и на почти всеобщую неприязнь. Известные притязания на нравственное превосходство, которое оказалось революционерам не по зубам, – вот одна из причуд, унаследованных от левых. Равно как и неоправданное стремление навязать окружающим правила жизни – по-настоящему прогрессивные, просвещённые, современные, верные, разложенные

по полочкам, безупречные. Стремление это вызывает мысль об убийстве у всякого, кого без предупреждения отбрасывают в лагерь реакционеров-консерваторов-мракобесов-узколобых-неотёсанных-отсталых. Неистовое соперничество революционеров с левыми не отталкивает их друг от друга, а наоборот, удерживает на одной территории. Пора отдать швартовы!

После «Грядущего восстания»² нас повлекло туда, где полыхала эпоха. Мы читали, мы боролись, мы говорили с товарищами из разных стран и из групп разных направлений, и вместе с ними мы натолкнулись на невидимые препятствия этих времён. Некоторые из нас погибли, другие оказались в тюрьме. Мы не сдались. Мы не перестали строить новые миры и обрушивать удары на старый миропорядок. Из путешествий мы возвращались с уверенностью в том, что наши протесты – отнюдь не беспорядочные, единичные, бессвязные события, каковые ещё только предстоит соединить. Так выглядит лишь спектакль, который разыгрывают в реальном времени СМИ, намеренно управляя общественным сознанием. Так выглядят противоповстанческие меры, действующие даже на этой низшей стадии. Мы стали очевидцами не каких-то разрозненных акций протеста, а единой мировой волны восстаний, неуловимо сообщающихся друг с другом. Всемирного желания объединиться, единственным объяснением которого может быть всемирная обособленность. Всеобщей ненависти к полиции, свидетельствующей о разум-

ном отказе от всеобщей раздробленности, за поддержанием которой эта полиция следит. Повсюду считается неизменной тревога, глубинная паника, сопровождаемая приливами чувства собственного достоинства, а вовсе не возмущения. То, что происходит в мире с 2008 года, – отнюдь не беспорядочная россыпь абсурдных вспышек, возникающих в герметичных национальных пространствах. Это – целостная историческая последовательность, везде, от Греции до Чили, выстроенная по законам единства времени и места. И лишь *чёткий глобальный* взгляд способен охватить истинное значение происходящего. Нельзя позволить, чтобы у одних лишь капиталистических *think tanks*⁴ был доступ к прикладным аспектам этой закономерности.

Любое, даже самое незначительное местное восстание распространяется вовне, изначально заключая в себе нечто глобальное. Оно поднимает нас всех до уровня эпохи. Но эпоха – это ещё и то, что можно почувствовать у себя внутри, стоит лишь погрузиться вглубь сознания, прислушиваясь к переживаниям, улавливая зрительные образы, эмоции и ощущения. Там вырабатывается метод познания и принцип действия; там же кроется объяснение невидимой связи между чистой политической силой уличных боёв и подлинным самосознанием одиночки. Эпоху следует искать внутри каждой ситуации и каждого человека. Именно там «мы» встречаемся, находим настоящих друзей, разбросанных по

⁴ «мозговой центр» (англ.).

свету, но идущих вместе.

Конспирологи – это контрреволюционеры хотя бы потому, что они признают право на конспирацию только за власть имущими. И если по всей очевидности сильные мира сего устраивают заговор, пытаясь сохранить свои позиции, то не менее очевидно, что *заговоры замышляются повсюду*: в коридорах зданий, у кофейных автоматов, за палатками шаурмы, на захваченных территориях, в мастерских, во дворах, на вечеринках, в любовных историях. И все эти связи, все эти разговоры, все эти дружеские встречи сплетаются, точно капилляры, расходясь по миру, образуя действующую историческую партию – «нашу партию», как говорил Маркс. Несомненно, объективной конспирации мироустройства противостоит рассеянная конспирация, в которую мы напрямую вовлечены. Но самая большая неразбериха царит среди нас. На каждом шагу наша партия сталкивается с собственным идеологическим наследием; она запутывается в сплошной сети опроверженных и поверженных революционных традиций, которые всё ещё требуют уважения. Однако стратегическое мышление зарождается в сердце, а не в голове, и ошибка идеологии состоит как раз в том, что она отделяет мысль от сердца. Иными словами, нам нужно выломать дверь там, где мы уже оказались. Единственная партия, которую необходимо создать, – это уже существующая партия. Мы должны избавиться от всего мыслительного хлама, мешающего нам отчётливо осознать нашу общую ситуа-

цию, нашу «общую наземность», цитируя Грамши. Наследство нам досталось без завещания.

Действенность броской формулы «Нас 99 %»³ – как и любого другого рекламного лозунга – заключается не в том, что она сообщает, а в том, чего она не сообщает. Не сообщает она ничего о личности 1 % власть имущих. Этот 1 % отличает не богатство – в Америке богатых людей больше 1 %, и не известность – они, скорее, держатся в тени, да и кто в наши дни не имеет права на свои пятнадцать минут славы? Отличает их прежде всего то, что они *организованы*. Они организуют свои действия, чтобы организовать жизнь окружающих. Реальность этого лозунга довольно сурова, и число здесь ни при чём: можно быть одним из 99 % и жить в полном подчинении. И наоборот, массовые погромы в Тоттенхэме весьма наглядно доказывают, что из нищеты можно выбраться, организовав свою жизнь. Между толпой нищих и толпой нищих, готовых действовать сообща, есть большая разница.

«Организоваться» никогда не значило вступить в единую организацию. Организоваться – это действовать сообразно с общим восприятием на всех уровнях. И недостающий элемент здесь вовсе не «народный гнев» или лишения, не решимость активистов, не расширение критического сознания и даже не увеличение числа анархистских выступлений. Единственное, чего нам не хватает, – это общего восприятия ситуации. Без такого цементирующего вещества все выступле-

ния бесследно растворяются в небытии, жизнь становится похожей на сон, а восстания превращаются в материал для школьных учебников.

Каждодневный новостной поток – тревожный для одних, крайне возмутительный для других – формирует наше представление об этом, в общем-то, непонятном мире. Его хаотичный ритм и есть тот туман войны, в котором он становится неуязвимым. Но именно благодаря его неуправляемости им *на самом деле* можно управлять. В этом-то и вся хитрость. Превратив кризисные меры в способ управления, капитализм не просто вытеснил культ прогресса и заменил его угрозой катастрофы, а присвоил себе всю сегодняшнюю стратегическую информацию, общую оценку текущих операций. И с этим следует бороться. В вопросах стратегии для нас важно на два шага опережать мировые власти. Нет никакого «кризиса», из которого нужно искать выход. Есть война, в которой нужно одержать победу.

Всеобщее понимание ситуации складывается не из одного текста, а из международных дискуссий. Для того чтобы дискуссия состоялась, необходимы высказывания. И это одно из них. Мы подчинили традицию и революционные позиции стандартам исторической конъюнктуры и попытались обрезать тысячи воображаемых нитей, удерживающих революционного Гулливера на земле. Мы наощупь искали ходы, манёвры, мысли, которые бы позволили нам выбраться из сегодняшнего тупика. Не существует революционного движе-

ния без языка, способного описать наше нынешнее положение и в то же время обозначить его потенциальный разлом. И вот наш вклад в создание такого языка. С этой целью наш текст публикуется одновременно на восьми языках и на четырёх континентах. Если мы – везде, если имя нам легион, то отныне нам нужно организовать, сплотиться всем миром.

Афины, декабрь 2008

Merry crisis and happy new fear⁵

1. Кризис – это способ управления. 2. Настоящая катастрофа – это катастрофа экзистенциальная и метафизическая. 3. Апокалипсис разочаровывает.

1. Из нас, революционеров, современная история сделала полных дураков. И так или иначе, мы до сих пор сами же попадаем этому одурачиванию. Сей факт вызывает болезненные ощущения, и потому его принято отрицать. Мы слепо верили в *кризис* – так слепо и так давно, что не заметили, как неолиберальный режим превратил эту веру в своё основное оружие. Подводя итоги 1848 года, Маркс писал: «Новая революция возможна лишь вслед за новым кризисом. Но наступление её так же неизбежно, как и наступление этого последнего»⁴. Собственно, остаток жизни он провёл в ожидании масштабного, бесповоротного кризиса капитала, предвещая его при каждой судороге всемирной экономики, но так его и не дождавшись. И сейчас есть ещё марксисты, выдающие нынешний кризис за “The Big One”⁶ в попытке заставить нас считать дни до наступления их занятой версии Судного дня.

⁵ «Весёлого кризиса и счастливого нового страха» (англ.).

⁶ «Большой», «Великий», здесь: «Тот самый» (англ.).

«Если хочешь добиться перемен, – советовал Милтон Фридман своим Чикаго-бойз, – спровоцируй кризис». Капитализм не только не опасается кризисов, но теперь даже взялся за их опытное производство. Точно так же вызывают лавины, чтобы контролировать их силу и время возникновения. Точно так же сжигают поля, чтобы, устранив горючий материал, остановить надвигающийся пожар. «Где и когда» – вопрос возможности или тактической необходимости. Общеизвестно, что с момента вступления в должность в 2010 году директор Греческой статистической службы постоянно подтасовывал экономические показатели, преувеличивая государственные долги, чтобы оправдать вмешательство «тройки»⁵. Очевидно, «кризис государственного долга» был самоличной заслугой одного человека, который в ту пору ещё получал официальную зарплату от МВФ – организации, призванной «помогать» странам в кризисной ситуации. Так в европейской стране был в натуральную величину проведён неолиберальный эксперимент по полной реорганизации общества для оценки действенности правильной политики «структурного регулирования».

Кризис – с присущим этому слову медицинским оттенком – воспринимался на всём современном этапе как некое внезапное или цикличное естественное явление, которое требует срочного решения, способного упразднить общую нестабильность критической ситуации. Результат мог быть удачным или нет, в зависимости от эффективности лечения.

Критический момент был также *моментом критики* – коротким временным промежутком, допускающим спор о симптомах и о методах лечения. Теперь же всё совсем не так. Лечение больше не выводит нас из кризиса. Наоборот, кризис вызывается ради лечения. Отныне «кризисом» называют всё, что намереваются реорганизовать, точно так же, как «террористами» зовут всех, кого собираются убить. В 2005 году «кризис пригородов»⁶ во Франции послужил поводом для самой значительной градостроительной кампании из всех, что были проведены под непосредственным управлением министерства внутренних дел за последние тридцать лет.

В устах неолибералов кризис превратился в двойной стандарт. Впрочем, сами они предпочитают термин «двойственная истина». С одной стороны, кризис – это живительное мгновение «созидательного разрушения», открывающее возможности, порождающее новаторство, предоставляющее шансы предпринимателям, среди которых выживут лишь лучшие, самые целеустремлённые, самые конкурентоспособные. «Возможно, в этом-то и проявляется суть капитализма: “созидательное разрушение”, отказ от устаревших технологий и вчерашних производственных процессов в пользу новых – вот единственный способ повысить уровень жизни <...>. Капитализм провоцирует конфликт в каждом из нас. Мы по очереди играем роль напористого предпринимателя и роль лежебоки, втайне мечтающего о менее

соревновательной и менее жёсткой экономике, при которой у всех были бы одинаковые доходы», – пишет Алан Гринспен, занимавший с 1987 по 2006 год должность председателя Федеральной резервной системы США⁷. С другой стороны, кризисный дискурс используется в качестве политической методики управления населением. Непрерывная реорганизация всего, от схем управления до программ социальной помощи, от предприятий до городских районов – это единственный способ обеспечить постоянное уничтожение среды существования и, следовательно, перекрыть кислород оппозиции. Риторика изменений позволяет ломать все привычки, разрушать все связи, сводить к нулю всякую уверенность, подрывать солидарность, поддерживать хроническую экзистенциальную нестабильность. Она соответствует стратегии, которую можно сформулировать следующим образом: «Создавая условия для непрекращающегося кризиса, предотвратить любой действительный кризис». В повседневной жизни эта тактика выражается в пресловутом противоповстанческом принципе «дестабилизации с целью стабилизации», который заключается в том, что власти умышленно провоцируют хаос, чтобы порядок стал более востребованным, чем революция. Как в микроменеджменте, так и в управлении целыми странами устойчивое шоковое состояние населения гарантирует упадок сил, разобщённость, и в итоге с каждым человеком по отдельности и со всеми вместе можно делать почти всё что угодно. Массовая депрессия,

в данный момент охватившая Грецию, – это *запланированный* результат политических решений «тройки», а вовсе не их побочный эффект.

Некоторые так и не поняли, что «кризис» был не экономическим явлением, а *политической* мерой правительства, и они превратились в посмешище, второпях объявив на гребне кредитного жульничества о «смерти неолиберализма». Мы переживаем не кризис капитализма, а триумф кризисного капитализма. «Кризис» означает, что меры правления уже-сточаются. Кризис стал *ultima ratio*⁷ властей. Наша эпоха со-измеряла всё с отсталостью прошлого, от которого она нас якобы спасла; теперь же мерилом всему служит приближающаяся катастрофа. Зарплаты греческих служащих урезали в два раза, приведя аргумент, что им вообще могли ничего не платить. Каждый раз, когда во Франции увеличиваются сроки выхода на пенсию, то в оправдание звучит довод о «спасении пенсионной системы». Сегодняшний постоянный и все-сторонний кризис слишком далёк от кризиса в классическом понимании, от решающего момента. Теперь кризис – это конец без конца, затянувшийся апокалипсис, извечная, по-новому эффективная отсрочка действительной катастрофы и, соответственно, постоянное чрезвычайное положение. В нынешнем кризисе нет места обещаниям, наоборот, он снимает с властей все ограничения на используемые методы.

⁷ последний довод (*лат*).

2. Все эпохи тщеславны. Каждая хочет казаться неповторимой. Наше время намерено войти в историю как столкновение между экологическим кризисом планетарного масштаба, всеобщим политическим кризисом демократических систем и неотвратимым энергетическим кризисом, увенчав всё это вялотекущим, но зато «беспрецедентным для последнего столетия» экономическим спадом. Такие перспективы льстят, усиливают чувство удовлетворения от жизни в столь уникальную эпоху. Достаточно лишь пролистать газеты 1970-х годов, прочитав отчёт Римского клуба от 1972 года о «Пределах роста», статью кибернетика Грегори Бейтсона о «Корнях экологического кризиса», написанную в марте 1970 года, или доклад Трёхсторонней комиссии о «Кризисе демократии», опубликованный в 1975 году, чтобы убедиться в том, что мы живём под мрачным светилем тотального кризиса по меньшей мере с начала семидесятых годов. Довольно здравый анализ ситуации можно найти ещё в тексте Джорджо Чезарано «Апокалипсис и революция», опубликованном в 1972 году. Если когда-то седьмую печать и сняли, то произошло это явно не вчера.

В конце 2012 года совершенно официальная организация Центр по контролю и профилактике заболеваний США для разнообразия выпустила комикс под названием «Preparedness 101: Zombie apocalypse»⁸. Посыл прост: население должно подготовиться к любым обстоятельствам – к

⁸ «Готовность 101: Апокалипсис зомби» (англ.).

ядерной или природной катастрофе, ко всеобщему сбою системы или к восстанию. Материал заканчивался таким выводом: «Если вы готовы к апокалипсису зомби, то вы готовы к любому чрезвычайному происшествию». Образ зомби заимствован из гаитянской традиции вуду. В американском кино тьмы восставших зомби – это излюбленная аллегория всеобщего восстания чернокожего пролетариата. Вот, значит, к чему нужно быть *готовым*. Теперь, когда больше нет советской угрозы, обеспечивающей психопатическую сплочённость граждан, стодится что угодно, лишь бы население всегда было готово защищаться, а точнее – *защищать систему*. Необходимо поддерживать состояние бесконечного ужаса, чтобы предотвратить ужасный конец.

В этом официальном *комиксе* отражены все стороны западного ложного сознания. Очевидно, что настоящие живые мертвецы – это мелкая буржуазия из американских *suburbs*⁹. Очевидно, что банальное стремление к выживанию, экономический страх перед повсеместным дефицитом, осознание абсолютной невыносимости принятого образа жизни возникают не только после катастрофы: всё это уже сейчас сопровождается безнадёжную *struggle for life*¹⁰ каждого человека, живущего при неолиберальном режиме. Разрушенная жизнь – это не угроза, а нечто, что уже происходит изо дня в день. Все это видят, все это знают, все это чувствуют. *Walking*

⁹ жилые районы, пригороды (англ.).

¹⁰ борьба за выживание (англ.).

*Dead*¹¹ – это *salary men*¹². Наша эпоха бредит апокалипсическими сценариями, составляющими добрую половину кинематографической продукции, не только из-за эстетического наслаждения, уместного в рамках данного развлекательного жанра. В общем-то даже Откровение Иоанна Богослова вполне соответствует канонам голливудской фантастической категории со всеми этими воздушными налётами свирепых ангелов, небывалыми наводнениями, зрелищными бедствиями. Только вселенская разруха, гибель целого мира может хотя бы отчасти вернуть к жизни офисного работника, *самого неживого* существа из всех. «Скорей бы уже конец!» и «Пусть это длится вечно!» – вот два вздоха, которые по очереди доносятся от одной и той же изнемогающей цивилизации. Сюда примешивается ещё и старый кальвинистский привкус умерщвлённой плоти: жизнь – отсрочка приговора, в ней не может быть полноты. Разговоры о «европейском нигилизме» возникли неспроста. В самом деле, этот товар так хорошо экспортировался, что в мире наступило перенасыщение. Что же до «неолиберальной глобализации», то получили мы в основном *глобализацию нигилизма*.

В 2007 году мы писали, что «проблема, стоящая перед нами, – не в кризисе общества, а в угасании цивилизации»⁸. В те времена после подобного заявления можно было прослыть визионером. Но «кризис» развился именно в пред-

¹¹ Ходячие мертвецы (англ.) – название популярного амер. телесериала.

¹² офисные служащие (англ.).

сказанном направлении. И даже АТТАК⁹ признаёт «кризис цивилизации», что уже говорит о многом. Дальше – больше: американский ветеран войны в Ираке, ставший советником по «стратегии», писал осенью 2013 года в *New York Times*: «Сейчас, когда я задумываюсь о будущем, я представляю, как морские волны обрушиваются на Нижний Манхэттен. Я вижу голодные бунты, ураганы и толпы климатических беженцев. Я вижу солдат 82-го воздушно-десантного полка, стреляющих в мародёров. Я вижу повсеместные электрические сбои, порты, превратившиеся в развалины, отходы с Фукусимы и эпидемии. Я вижу Багдад. Я вижу затопленный Рокавейский полуостров. Я вижу чужой и опасный мир. <...> Главная проблема климатических изменений во все не в том, как Министерство обороны готовится к войне за ресурсы, и не в том, какие дамбы нужно строить для защиты Алфавет-сити, и не в том, когда следует эвакуировать Хобокен¹⁰. Проблему эту не решить покупкой гибридного автомобиля, подписанием соглашений или исключением кондиционера. К самой серьёзной проблеме нужно подходить с философской стороны: необходимо понять, что наша цивилизация *уже погибла*». По окончании Первой мировой войны её стали называть «смертной» – каковой она бесспорно и была во всех смыслах этого слова.

На деле клиническая диагностика конца западной цивилизации была проведена ещё сто лет назад, и последующие события лишь подтвердили поставленный диагноз. С тех пор

все пересуды об этом – лишь жалкие попытки отвлечься. Отвлечься прежде всего от *уже наступившей*, причём довольно давно, катастрофы, от катастрофы, *в которую превратились мы сами*, от катастрофы, *которой стал Запад*. Это в первую очередь экзистенциальная, эмоциональная, метафизическая катастрофа. Она заключается в невероятной отчуждённости западного человека от мира, заставляющей его, к примеру, распоряжаться и повелевать природой – а ведь властвовать мы стремимся лишь над тем, что внушает нам страх. Недаром человек отгородился от мира таким количеством *экранов*. Обособившись от всего сущего, западный человек превратил жизнь в унылое пространство, в мрачное, враждебное, механическое, абсурдное небытие, которое он непрестанно вынужден переворачивать вверх дном посредством собственного *труда*, канцерогенного активизма, поверхностной, истерической суеты. Его без конца бросает от эйфории к отупению, от отупения к эйфории, и он пытается компенсировать свою непричастность к миру, собирая всевозможные квалификации, протезы, связи, неиссякаемые технологические побрякушки, в итоге не приносящие ничего, кроме разочарования. Он на глазах становится эдаким *переоснащённым экзистенциалистом*, без устали что-то сооружающим, переоборудующим, не желающим терпеть реальность, с которой он не в силах совладать. «Чтобы понять мир, – прямым текстом заявлял этот придурок Камю, – человек должен свести его к человеческому, наложить

на него свою печать»¹¹. Западный человек просто-напросто пытается приукрасить свой развод с существованием, с самим собой, с «окружающими» – весь этот ад! – называя его «свободой» или же забываясь на тоскливых вечеринках, в идиотских развлечениях и в лошадиных дозах наркотиков. Настоящая, эмоциональная жизнь для него не существует, поскольку ему противно жить; на самом деле от жизни его *тошнит*. Ему удалось закрыться от всего самого неустойчивого, неустранимого, осязаемого, телесного, тяжёлого, жаркого и утомительного, что только есть в реальности, перенести эти силы в воображаемое, визуальное, удалённое, цифровое пространство Интернета, в котором нет ни трения, ни слёз, ни смерти, ни запаха.

Фальшь западных апокалипсических пророчеств – в том, что они приписывают нам такой траур по миру, на который мы не способны. Не сам мир пропал, а *мы* его потеряли и теряем до сих пор; не его ждёт *скорый* конец, а с *нами покончено*, нас отрезало, отбросило, именно *мы*, как в бреду, разрываем все жизненные связи с реальностью. Это не экономический, не экологический и не политический кризис, это *прежде всего кризис присутствия*. Дошло до того, что потребительский *must*¹³ – традиционный iPhone или «хаммер» – разработан на основе замысловатого технического принципа отсутствия. С одной стороны, iPhone сосредоточивает в одном аппарате все приспособления для контакта с миром и

¹³ обязательный атрибут (*англ.*).

с окружающими людьми: это и фонарь, и фотоаппарат, и ватерпас, и музыкальное звукозаписывающее устройство, и телевизор, и компас, и путеводитель, и средство связи; с другой стороны – это протез, отрезающий любой доступ к действительности, удерживающий человека в режиме непрерывного, удобного полуприсутствия и произвольно контролирующей часть его реальности. Недавно даже появилось приложение для смартфонов, которое помогает решить проблему «круглосуточной связи с виртуальным миром, изолирующей нас от реального мира». Приложение вышло под милейшим названием «GPS for the Soul»¹⁴. А «хаммер», в свою очередь, – это возможность перевезти свой аутистский замкнутый мирок, защиту от всего на свете в самые труднодоступные уголки «природы» и вернуться оттуда *в сохранности*. Тот факт, что своей новой производственной перспективой компания Google назвала «борьбу со смертью», лишь доказывает, как мало мы *понимаем в жизни*.

На последней стадии слабоумия Человек даже возомнил себя «геологической силой»; он докатился до того, что назвал одну из фаз планетарной эволюции в честь своего рода – «антропоценом». Последний раз он хватается за главную роль, и пусть теперь ему придётся корить себя за испоганенную окружающую среду – море, небо, сушу и недра земли – пусть теперь он пеняет на себя за неслыханное истребление растений и животных. Примечательно, однако, что он

¹⁴ «Навигатор для души» (англ.).

по-прежнему продолжает разрушительно воздействовать на мир, хотя именно эти разрушительные действия и привели к разрухе. Он *вычисляет* скорость таяния ледников. Он *измеряет* результаты уничтожения нечеловеческих форм жизни. Об изменении климата он судит не по собственным эмпирическим наблюдениям – такая-то птица перестала прилетать в определённый период, такое-то насекомое больше не стрекочет, такое-то растение не зацветает в одно время с другим – нет, он оперирует цифрами, средними показателями, научными данными. Он думает, что есть какой-то смысл в его выводах о повышении температуры на столько-то градусов или о сокращении количества осадков на столько-то миллиметров. Он даже принялся рассуждать о «биологическом разнообразии». Он следит за увяданием земной жизни *из космоса*. Захлёбываясь от гордыни, он теперь с отеческой снисходительностью «охраняет окружающую среду», которая его об этом, в общем-то, и не просила. Всё это похоже на последний, безнадёжный бросок.

Объективные бедствия служат прикрытием прежде всего для иной катастрофы, ещё более очевидной и масштабной. Истощение природных ресурсов, возможно, зашло не так далеко, как истощение личностных, жизненных ресурсов, постигшее наших современников. Мы так смакуем подробности уничтожения окружающей среды ещё и для того, чтобы скрыть ошеломляющие развалины, нагромождённые у нас внутри. Каждый нефтеразлив, каждая бесплодная долина,

каждый исчезнувший вид – это образ наших душ, превратившихся в лохмотья, отражение нашего отсутствия в этом мире, нашей сущностной неспособности в нём жить. Фукусима иллюстрирует полный провал человека и его господства, порождающего лишь руины и эти, казалось бы, нетронутые японские долины, где ещё десятки лет никто не сможет жить. Вечное разложение, решительно превращающее мир в необитаемое место: в конце концов Запад уподобит свой образ жизни тому, чего он больше всего боится, – радиоактивными отходам.

Когда спрашиваешь у самых ярых левых активистов, в чём смысл революции, они не задумываясь отвечают: «Сделать человека центром Вселенной». Чего эти левые не осознают, так это того, насколько мир устал от человека, насколько мы устали от человечества – этого вида, возмнившего себя венцом творения, считающего себя вправе разгромить всё вокруг, потому что ему, дескать, всё принадлежит. «Сделать человека центром Вселенной» – такова была западная идея. Все мы знаем, что получилось в итоге. Пришло время бежать с корабля, предав человеческий род. Нет такой большой человеческой семьи, которая смогла бы жить отдельно от всех миров, всех известных вселенных, всех форм жизни, разбросанных по земле. Нет человечества, а есть лишь земляне и их враги – все жители Запада, независимо от цвета их кожи. Нам, революционерам, с нашим атавистическим гуманизмом, стоило бы почаще обращать вни-

мание на мятежи коренных жителей Центральной и Южной Америки, вспыхивающие один за другим вот уже двадцать лет. Их девизом могла бы стать фраза: «Сделать землю центром Вселенной». Это – война, объявленная *Человеку*. Быть может, объявив ему войну, удастся вернуть его на землю, если только он, по своему обыкновению, не притворится глухим.

3. 21 декабря 2012 года по меньшей мере 300 журналистов из 18 стран заполнили деревушку Бюгараш во французском департаменте Од. Ни в одном ныне известном календаре мая́я никакого конца света на тот день не намечалось. Слух о том, что эта деревня имеет какое-то отношение к несуществующему пророчеству, был, разумеется, уткой. И тем не менее телевизионные каналы со всего мира отправили туда армады репортёров. Всем хотелось посмотреть, найдутся ли ещё люди, *действительно* верящие в конец света, если и в сам свет мы больше не верим, если мы едва ли в силах поверить в собственную любовь. В тот день в Бюгараше не было никого – никого, кроме бесчисленных участников этого спектакля. Журналистам пришлось снимать сюжеты друг о друге, о бесцельном ожидании, о скуке и о том, как ровным счётом ничего не происходило. Попавшись в собственную ловушку, они являли собой зрелище, на самом деле напоминающее конец света: журналисты, ожидание, несостоявшиеся события.

Нельзя недооценивать апокалипсическую горячку, иступлённое предвкушение Армагеддона, пропитавшее нашу эпоху. Её экзистенциально-порнографическая коллекция состоит из пророческих документальных фильмов, демонстрирующих при помощи спецэффектов, как в 2075 году полчища саранчи истребят виноградники Бордо, а южные берега Европы захватят толпы «климатических мигрантов» — тех самых, которых Фронтекс¹² уже сейчас усиленно старается уничтожить. Конец света безнадёжно стар. Ещё со времён ранней античности апокалипсические страсти бурлили в умах бесправного народа. С тех пор ничего не изменилось, разве что в наше время апокалипсис полностью растворился в капитализме, перейдя к нему в подчинение. Перспектива катастрофы — вот рычаг, при помощи которого нами сегодня управляют. Хотя если и есть что-то, чему не суждено сбыться, так это предсказание конца света, будь он экономическим, климатическим, террористическим или атомным. О нём возвещают лишь затем, чтобы призвать к мерам по его предотвращению, то есть зачастую чтобы обосновать необходимость управления. Ни одна политическая или религиозная организация ни разу не признала поражение лишь ввиду того, что факты опровергли её прогнозы. Ведь прогнозы нужны не затем, чтобы оправдываться в будущем, а затем, чтобы *влиять на настоящее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.